

На него устремились десятки взглядов. Роскошная люстра под потолком рассыпала слепящие белые блики — они кружились, точно хлопья метели, складываясь в холодную сияющую вершину.

Если бы не крепко сжимавшая его запястье рука, Ли Чжи, пожалуй, поддался бы панике и сбежал.

Никому не известный Ли Чжи вдруг почувствовал себя главным героем романа: толпа перед ними сама собой расступалась.

Чу Минчжан увлек его за собой в самый конец зала. Там стояли мужчина и женщина. Оба на редкость красивые, ухоженные — по их лицам невозможно было угадать возраст.

Казалось, они очень близки: женщина непринужденно держала спутника под руку, доверчиво склонившись к его плечу, а тот ласково приобнимал ее за талию. Вглядевшись в лицо женщины, Ли Чжи уловил в ее чертах нечто знакомое.

Она была удивительно похожа на Чу Минчжана. Должно быть, его мать.

В следующую секунду Чу Минчжан подтвердил его догадку, обратившись к женщине: «Мама», а затем к мужчине: «Папа».

— С днем рождения, Минчжан, — с улыбкой произнесла Чу Хуа, мягко коснувшись плеча сына.
— Я приготовила для тебя подарок. Хочешь взглянуть?

— Наверняка опять картина, — криво усмехнулся Чу Минчжан. — Тогда ничего интересного.

Ответ прозвучал довольно дерзко, но Чу Хуа даже бровью не повела. Не обращая внимания на холодность сына, она изящным жестом поправила кольцо на пальце и перевела взгляд на Ли Чжи, который робко замер за плечом Минчжана.

— А это?..

— Ли Чжи, — представил его Чу Минчжан. — Мой друг.

Друг. Ли Чжи не ожидал, что Минчжан назовет его так. В груди сладко заныло от радости и одновременно от какого-то благоговейного страха. Тем временем Чу Хуа оценивающе окинула его быстрым взглядом с ног до головы.

— Ах, знаю, — мягко улыбнулась она. — Ты мальчик из семьи Чжоу.

— Здравствуй, Ли Чжи. Надо же, Минчжан впервые знакомит нас с кем-то, кроме своих давних друзей детства. Мы ведь раньше не виделись? А ты очень похож на свою маму.

— Твой отец и брат, кажется, еще не приехали... Почему ты не с ними?

Она выглядела безупречно, и голос ее журчал ласковым ручейком, но Ли Чжи вдруг почувствовал себя бесконечно неуютно. В этих вежливых расспросах крылось двойное дно. Ощущение было такое, словно его сквозь толстое одеяло кололи тонкой серебряной иглой — укол едва заметный, но ноющий и неприятный.

— Это я его позвал. Хотел, чтобы он побыл со мной, — ответил за него Минчжан, отрезая любые расспросы. — Что-то не так?

Чу Хуа опустила ресницы и тихонько рассмеялась:

— Разумеется, всё так. Добро пожаловать на праздник, Ли Чжи.

— Бабушка вот-вот придет. Минчжан, встретишь её? — подал голос Сюй Цзунхай, отец именинника, до этого молча наблюдавший за сценой.

Минчжан кивком выразил согласие и увлек Ли Чжи к выходу. За всё это время он ни разу не выпустил его запястья, так что парню оставалось только послушно следовать за ним.

И всё же необъяснимая тревога не отпускала. Повинуясь какому-то смутному предчувствию, Ли Чжи обернулся и наткнулся на устремленный ему в спину взгляд Чу Хуа.

Она стояла чуть выше на ступенях, и в ее глазах читалось холодное, пренебрежительное любопытство. Губы женщины всё еще кривились в безупречной улыбке, но сам взгляд оставался абсолютно мертвым и темным — без единого намека на тепло.

Этому выражению лица Ли Чжи мог подобрать лишь одно определение.

Презрение.

Ли Чжи обдало холодом, а вдоль позвоночника пробежала дрожь.

Ли Чжи резко распахнул глаза и сел на постели, тяжело, прерывисто дыша. Он прижал ладонь к груди, пытаясь унять бешено колотящееся сердце.

Сонная одурь мешала соображать. Он никак не мог понять, отчего так неистово колотится пульс: то ли от волнения перед роскошным приемом, то ли от того леденящего взгляда, явившегося ему во сне.

Уже стоя перед зеркалом и лениво двигая зубной щеткой, он разглядывал собственное лицо. С памятного вечера прошла неделя, занятия в школе шли полным ходом, и детали праздника понемногу стирались из памяти, зыбко мешаясь с ночными кошмарами.

Ли Чжи сплюнул пену, умылся, вытерся полотенцем и, подхватив рюкзак, вышел из комнаты.

Стоило ему переступить порог общежития, как на него устремились любопытные взгляды. И хотя за несколько дней шумиха улеглась и зевак поубавилось, Ли Чжи всё еще чувствовал себя под этим прицелом крайне неловко.

Он привычно остановился возле корпуса Минчжана. Минут через пять тот показался в дверях. Заметив Ли Чжи в тени раскидистого дерева, Чу Минчжан сбежал по ступеням и подошел ближе:

— Давно стоишь?

— Да нет, только подошел, — ответил Ли Чжи.

Чу Минчжан кивком одобрил пунктуальность приятеля.

— Не нужно приходить так рано. Если проснёшься и не спишь — поднимайся ко мне или сразу иди в столовую.

Минчжан повторял это не просто так: в самый первый день учебы Ли Чжи притащился к его крыльцу за целый час до назначенного времени.

Благо утреннее солнце еще не успело раскочегариться, и парень отделался лишь взмокшей футболкой вместо теплового удара. Тогда Чу Минчжан принес ему банку ледяной газировки. Глядя, как Ли Чжи жадно осушает её, он только хмыкнул: «Странный ты всё-таки».

— И вообще, не торчи тут больше. Приходи минута в минуту.

Разумеется, Минчжан никогда не опаздывал, но и раньше времени из дверей не показывался. А Ли Чжи никак не мог избавиться от привычки приходить заранее. В итоге каждое их утро начиналось с одного и того же дежурного диалога, словно заставка в старом сериале.

Они бок о бок зашагали к учебному корпусу. У дверей кабинета Минчжан вдруг притормозил и обернулся:

— Сегодня после верховой езды, когда переоденешься, не уходи. Жди меня.

— Какие-то планы на вечер? — сообразил Ли Чжи.

Минчжан промолчал, что означало «да».

Ли Чжи не стал допытываться. Какая разница? Его дело — слушаться и выполнять. Их отношения вообще мало походили на дружеские в привычном смысле; скорее это был союз авторитетного вожака и его верного помощника.

Впрочем, роль «шестерки» его вполне устраивала. Она давала законное право хвостиком ходить за Минчжаном, заботиться о нем, да и окружающие... Окружающие с началом нового семестра вдруг резко переменились в лице.

И дело было не только в переформировании классов. Чтобы не разлучаться с Минчжаном, Ли Чжи тоже выбрал подготовку к обычному госэкзамену. Часть ребят отсеялась, пришли новые лица.

Но и старые, и новые одноклассники теперь вели себя на удивление дружелюбно.

Больше никто от него не шарахался. Напротив, ребята то и дело заводили с ним пустые разговоры, а на уроке гольфа один парень даже вызвался поправить ему стойку.

Ли Чжи послушно исправил замах, но помощник почему-то медлил уходить. Парень недоуменно взглянул на него. Наверное, из-за удушливой жары лицо того так сильно залило румянцем, а под пристальным взглядом Ли Чжи он и вовсе смущенно отвел глаза.

— Э-э... Слушай, ты сегодня после уроков занят? — парень неловко почесал затылок.

— А что? — спросил Ли Чжи.

— Ну, я хотел... пригласить тебя... сходить куда-нибудь...

— Прости, — мягко перебил его Ли Чжи. — Сегодня никак не могу.

— Но всё равно спасибо, что подсказал с гольфом.

От вежливого, но твердого отказа парень слегка побледнел, но услышав благодарность, тут же воспрянул духом. «А, да ладно, пустяки! Обращайся, если что-то не будет получаться, я всегда помогу».

Ли Чжи удивленно моргнул. И у него были на то причины: память его не подводила — этот парень раньше ходил хвостиком за Ван Кайсюанем. В той гнусной истории в спортзале он не участвовал (всех ее зачинщиков, за исключением Хань Цзыяо, тихо выставили из школы), но по мелочи наверняка успел приложить руку к травле.

Издевательские смешки, обидные клички — всё это было.

— Не стоит беспокоиться, — покачал головой Ли Чжи. — Если что, я спрошу у брата Минчжана.

«Брат Минчжан» — так Ли Чжи стал называть его, когда официально заступил на должность «оруженосца». В этом обращении сквозила безграничная преданность пополам с искренним уважением. И пустяки, что Минчжан вообще-то родился на два месяца позже.

В конце концов, какая разница? В «Молодых и опасных» Чэнь Хаонань держал весь Козуэй-Бей, и банда звала его не иначе как «брат Нань» — неужели каждый из его парней был моложе него? В криминальной иерархии возраст не играет роли. Кто авторитет, тот и старший.

Но ладно парни — даже девчонки сменили гнев на милость. Подружки Гун Цзе, которые раньше в упор его не замечали, теперь кокетливо щебетали:

— Ли Чжи, угощайся, я сегодня испекла печенье с клюквой!

Ли Чжи, жутко смутившись, взял из пакетика одну штучку. Девочка сияла от радости:

— Ну как? Вкусно?

— Очень, — искренне похвалил он.

На следующее утро на его парте обнаружился изящный сверток с выпечкой. Гун Цзе стояла рядом и заговорщически улыбалась. Каково же было ее изумление, когда Ли Чжи, повертев подарок в руках, невозмутимо потянулся назад, намереваясь водрузить его на стол Минчжана.

— Эй, ты чего творишь? — улыбка сползла с лица Гун Цзе, и она перехватила его руку.

— Брату Минчжану отдам.

— Ты с ума сошел? Зачем это ему? Дуралей, это же тебе подарили! Как можно девичьи чувства отдавать другому...

— Погоди, — Ли Чжи опешил. — Это мне, что ли?

— А кому еще?!

— Ой... А я подумал... — Он неловко почесал затылок. — Решил, она хочет, чтобы я снял пробу. Ну, вроде как если мне понравится, я должен передать пакет Минчжану.

Минчжан славился своей неприступностью. В его ближний круг входили разве что Хань Цзыяо и Чжоу Баюй, ну и сам Ли Чжи с недавних пор удостоился этой чести.

С теми заносчивыми господами девчонки заговорить боялись, а вот простая «шестерка» Ли Чжи казался отличным мостиком. В фильмах ведь часто так показывают: робкие старшеклассницы передают подарки через друзей главного красавчика.

И только в эту секунду до него дошло. Вся эта внезапная волна дружелюбия, лавина внимания — всё это исключительно благодаря Минчжану! Быть его тенью оказалось невероятно престижно.

Пока толпа пресмыкалась перед королем, ему, скромному вассалу, перепали крохи чужой славы. Главное — не терять голову и помнить свое место. Не зарываться.

Он промолчал, но Гун Цзе, похоже, уловила ход его мыслей. Она уставилась на него, приоткрыв рот от изумления, и только спустя полминуты выдохнула:

— Ли Чжи, ты просто непроходимый тупица. Самый глупый человек на свете.

Ли Чжи мысленно обиделся. Тоже мне, «непроходимый тупица»! Да, он иногда тормозил, но уж в этом вопросе проявил редкую рассудительность.

— Не хочешь — мне отдай! — в сердцах бросила Гун Цзе и выхватила пакет. Она принялась с треском уничтожать выпечку, явно выплескивая злость. — Боже, ну и дурак же ты, Ли Чжи.

— И почему ты вечно так себя недооцениваешь? Неужели ты не замечаешь, что... — Она осеклась на полуслове, случайно встретившись с ним глазами, и торопливо заправила прядь волос за ухо, пряча неловкость.

Ли Чжи, не заметив ее замешательства, лишь тяжело вздохнул. Его беспокоила неприязнь Гун Цзе к Минчжану. Как же помочь боссу завоевать сердце этой девчонки? Раз уж он назвался груздем, нужно отрабатывать доверие.

— Ну правда, не сердись, — примирительно начал он. — Это ведь логично. Дарить подарки Минчжану — в порядке вещей, а мне — какое-то недоразумение. Посуди сама: он же идеален. Умный, сильный, красивый, из такой семьи...

Он искренне хотел обелить Минчжана в ее глазах, но Гун Цзе истолковала его похвалу по-своему.

— Ой, да ладно тебе! — вспыхнула она. — У тебя он вечно святой. Скажи честно, он тебя приворожил, что ли?

Опять его отчитали ни за что... Ли Чжи вздохнул, собрал экипировку для верховой езды и поплелся на последний урок. Мысли его то и дело возвращались к утреннему разговору с Минчжаном. Предвкушая вечернюю встречу, он так отвлекся, что едва не вылетел из седла на тренировке — благо Минчжан вовремя оказался рядом и придержал коня.

Дождавшись конца занятий, Ли Чжи пулей слетал в душ, переоделся и поспешил к Минчжану. Пристроившись у него за плечом, он пару раз сглотнул и всё же не выдержал:

— Брат Минчжан... А мы сегодня... вдвоем?

Чу Минчжан резко остановился и прищурился, вглядываясь в две приближающиеся фигуры.

— Нет, — ответил он. — С нами Хань Цзыяо и твой брат.

<http://bllate.org/book/20441/2145807>